

способствовало быстрому развитию эмансипации в 20–30-е гг. и массовому вовлечению женщин в общественную жизнь.

Для того чтобы укрепить свои позиции, Советская власть сразу после принятия первых декретов, регулирующих брачно-семейные отношения, начала работу по систематизации брачно-семейного законодательства и созданию первого в России Кодекса законов о брачно-семейном праве. По мнению Н.А. Семидеркина, намерения новой власти являлись очевидными: «Советское государство рассчитывало, демонстрируя преимущества гражданского брака по сравнению с церковным, направить массы трудящихся против церкви и ее идеологии» [9, с. 8]. Его появление непосредственно связано с общеполитической ситуацией в стране: послереволюционной разрухой и неразвитостью правовой системы, обстановкой Гражданской войны, «военного коммунизма», национализацией.

Первый советский Кодекс об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. (далее – Кодекс 1918 г.) действовал на протяжении восьми лет, до принятия 19 ноября 1926 г. нового Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР. В советской и современной российской историографии отмечается, что кодекс закреплял новые взгляды Советской власти на семью. Подтверждением этого стала ликвидация института родительской власти и слабая попытка посмотреть на ребенка как на равноправного обладателя лишь ему принадлежащих в семье прав. Однако законодательство о браке, семье и опеке, как результат многовекового развития самобытной правовой культуры, как сумма накопленного веками опыта, не могло быть радикально обновлено моментно. Нормы Кодекса 1918 г. в ряде случаев демонстрируют преемственность с традиционными институтами брачно-семейного права предыдущих эпох. Особенно это заметно в регулировании отношений, связанных с разрешением споров о детях, защитой родительских прав, взыскании средств на содержание нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи. Практически полностью советским правом был воспринят институт опеки (попечительства) над несовершеннолетними [1].

Таким образом, послереволюционная разруха, обстановка Гражданской войны, политика «военного коммунизма», национализация, а также появление новых идей и представлений о семье и брачно-семейных отношениях, закрепленных в законодательных актах новыми властями, способствовали появлению глубоких конфликтов и противоречий в обществе, а также внутри семьи, между ее членами. Большевики делали все, чтобы упразднить существование семьи в прежнем виде и разорвать прочные, все еще существующие связи между ее членами [4]. Результатом политики Советской власти стало возникновение новых форм семейных отношений, которые отражали происшедшие

общественные изменения и надолго закрепились в постреволюционном обществе. Как отмечает В.В. Никулин, потребовалось менее 10 лет социального эксперимента в брачно-семейных отношениях, чтобы понять, что стабильность государства во многом зависит от стабильности института брака и семьи [2].

Список использованных источников

1. Салогуб, Я.Л. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. как этап большевистского эксперимента в правовом регулировании семейно-брачных отношений. Историография. Источники / Я.Л. Салогуб, В.В. Фролов // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. – № 4. – Т. 2. – 2017. – С. 5–17.
2. Никулин, В.В. Эволюция института брака в Советской России: от отмирания брака к консервативной семье (1917–1920-е гг.) / В.В. Никулин // Вестн. Тамбов. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – Т. 21. – Вып. 7–8 (159–160). – С. 104–109.
3. Коллонтай, А.М. Любовь пчел трудовых : из сер. рассказов «Революция чувств и революция нравов» / А.М. Коллонтай. – М. : Петроград : Госиздат, 1923. – 303 с.
4. Семенов, А.А. Кризис традиционной семьи и эволюция брачно-семейных отношений в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) / А.А. Семенов. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/63.pdf>. – Дата доступа: 10.12.2018.
5. Щекин, М.В. Новый быт, новая семья (семья, любовь, брак, проституция) / М.В. Щекин. – Кострома : Изд. 1-й Губтипографии, 1924. – 56 с.
6. Шевелев, П.В. Брачные узы по-новому / П.В. Шевелев // Беларус. думка. – Минск : БелТа, 1991. – С. 95–97.
7. Бранденбургский, Я.Н. Брак и его правовые последствия / Я.Н. Бранденбургский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. – 37 с.
8. Ленин, В.И. Сочинения / В.И. Ленин. – Т. 30.
9. Семидеркин, Н.А. Создание первого семейно-брачного кодекса : учеб. пособие / Н.А. Семидеркин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 96 с.

УДК 341.433

К.Д. Сазон

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВА УБЕЖИЩА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Право убежища на протяжении длительного времени выступает в качестве объекта познания юридической науки. Свидетельством тому служит научное наследие, доставшееся современным исследователям

от известных ученых-правоведов дореволюционного [1] и советского периода [2–4]. Вместе с тем современное юридическое научное знание характеризуется дискуссионностью по вопросу определения теоретико-методологических оснований становления, развития и функционирования права убежища. В связи с этим видится необходимым исследование историко-правовых особенностей конституционализации права убежища, характерных для практики строительства белорусского государства в советский период.

Одним из методов познания объективной действительности, применение которого способствует выявлению сущностных признаков, опосредующих содержание какого-либо правового явления, выступает историко-правовой анализ. Полагаем, что установлению исторически обусловленных сущностных признаков убежища и его форм будет способствовать проведение ретроспективного анализа особенностей становления, развития и функционирования института убежища, нашедших отражение в мировой практике. Исследование специальной литературы показало, что в настоящее время признанной считается точка зрения, в соответствии с которой к исторически обусловленным формам убежища относят: религиозное, территориальное и дипломатическое.

Древнейшей разновидностью убежища является его религиозная форма. Источники свидетельствуют о том, что предоставление убежища в святых местах было известно многим древним обществам. В Греции убежищами являлись храмы и их алтари; окрестности храмов; священные рощи и пещеры; статуи богов; посвященные какому-либо божеству города; священные острова, так как полагалось, что эти места находятся под защитой Богов и могут предоставить защиту любому. Убежищем для преследуемого также служил очаг любого дома. В Древнем Риме убежищами являлись храмы, памятники, статуи императоров, священные рощи, знамена римских легионов и римские орлы [4, л. 6–7]. Исследователи истории древних славян отмечают, что «по древне-чешскому обычаю преследуемый мог найти себе защиту от мести и преследований ... дома у своей жены», и приходят к выводу, что право убежища распространялось на древне-славянскую хату» [5, с. 225].

Право убежища в Древней Греции и Древнем Риме признавалось за каким-нибудь местом «изданием специального закона, изречением оракула, волей государственных людей, полководцев и диктаторов», что Н.М. Голубов называет «санкцией силы», без которой, по мнению ученого, право убежища существовать не могло [1, с. 28, 42]. Таким образом, правом убежища, т. е. правом укрывать преследуемых лиц, обладали лишь те места отправления культа, которым это право было

установлено представителями светской или духовной власти. Подобные установления определяли также категории лиц, которым в убежище может быть предоставлена защита. Одни места убежищ укрывали всех без исключения преследуемых лиц, включая умышленных убийц, другие – предоставляли защиту лицам определенной категории.

Говоря о предназначении убежищ, укажем, что они являлись эффективным средством обеспечения личной безопасности преследуемого лица, так как всякий вошедший в храм или находящийся рядом с предметом культа становился неприкосновенным. «Право убежища, по утверждению Н.М. Голубова, везде, где оно существовало, имело целью оказывать защиту преследуемому от преследователей» [1, с. 12]. Существование подобного правила, по мнению большинства ученых, было направлено на ограничение кровной мести [4, л. 8].

В период раннего Средневековья развитие института убежища было взаимосвязано и взаимообусловлено процессами установления доминанты христианства в государственной и общественной жизни, что привело к замене убежища храма, которое перестало пользоваться защитой государственной власти, на убежище церкви. Христианскими убежищами были церкви и монастыри с прилегающей территорией, а также дома священников, которые защищали всех преступников. Считалось, что ищущий убежища в церкви преступник есть кающийся грешник, а наказанием за совершенное преступление служит наложенное на него покаяние [1, с. 49]. На Руси местами убежищ были монастыри и епископские дворы [6, с. 121–123]. В тех случаях, когда опасность для ищавших убежища в церкви была велика, они занимали наиболее чтимые места около гробниц или мощей. Однако подобная практика предоставления убежища не была ни санкционирована, ни регламентирована со стороны государства [7, л. 27–29].

Что касается отличительных черт религиозной формы убежища в период Античности и Средневековья, то, по мнению Л.Н. Галенской, такой чертой является взаимная заинтересованность государства и церкви в становлении и развитии данной формы убежища, а «...не святость и неприкасаемость определенных мест, не боязнь неминуемой кары за нарушение сложившихся правил» [2, с. 6].

На наш взгляд, в числе характерных особенностей религиозного убежища стоит также назвать возможность его предоставления самым различным категориям преследуемых лиц, включая убийц и других умышленных преступников. Например, в Древней Греции и Древнем Риме в местах, признанных убежищами, могли укрыться и найти защиту все без исключения преступники и преследуемые, в том числе умышлен-

ные убийцы, побежденные враги, должники и бежавшие рабы, которые должны были доказать жестокое с ними обращение, а должники освобождались от мести кредиторов. Вместе с тем существование такой «всеобщности», по мнению некоторых исследователей, «...освящало преступления и освобождало виновного от заслуженного наказания» [1, с. 26, 40–45].

В связи с этим считаем уместным привести слова Ч. Беккариа, который по этому поводу писал, что «безнаказанность и убежища почти ничем не отличаются между собой: так как наказание производит впечатление скорее неизбежностью, строгостью, то убежища настолько располагают к преступлениям, что угроза наказания теряет значение. Размножать убежища все равно, что создавать мелкие полноправные государства...» [8, с. 89].

Учитывая изложенное, полагаем необходимым согласиться с мнением отдельных авторов, что практика предоставления религиозного убежища противоречила истинному предназначению этого института, состоящего в том, что убежища «должны оказывать покровительство не оскорбителям, а оскорбленным, не преступникам, а тем, кто от них пострадал» [1, с. 50].

Развитие рассматриваемого института, сопровождавшееся в Средние века «конфронтиацией суверенитетов» церкви и государства, выразившейся в лишении некоторых церквей права убежища, и «совершенствованием государственно-правовых институтов предоставления отдельным поселениям права на защиту лиц, ищущих убежища, привело к использованию физическими лицами территории другого государства с целью избежать не только преследования, но и наказания» [9, с. 10].

В своей работе В.А. Гринчак справедливо отмечает, что «...дальнейшее укрепление государств, возрастание территориальных и иных споров, обуславливавших противостояние между государствами..., повлияло на развитие правоотношений убежища» [9, с. 10]. Предоставление защиты лицам, ищущим убежища, на территории другого государства позволило говорить о развитии новой формы убежища – территориальной, основой для которой, по мнению Л.Н. Галенской, послужило существование отдельных самостоятельных государств и наличие разногласий между ними [2, с. 5].

Дальнейшее укрепление государств и развитие дипломатических отношений повлияло на становление других форм убежища и привело к появлению такой формы убежища, как дипломатическое, под которым сегодня принято понимать «предоставление какому-либо лицу возможности укрыться от преследований по политическим мотивам в помеще-

нии иностранного дипломатического представительства или консульского представительства, а также на иностранном военном корабле» [10]. Нужно сказать, что современное международное право не признает дипломатического убежища, хотя оно все еще встречается у некоторых латиноамериканских государств [11, с. 389]. Подтверждением сказанному может служить факт предоставления Эквадором убежища Джулиану Ассанжу в помещении своего дипломатического представительства в г. Лондон (Великобритания) в августе 2012 г.

В данном контексте считаем возможным поддержать высказываемое в научных кругах мнение о том, что дипломатическое убежище не стоит относить к самостоятельной форме убежища. Его необходимо рассматривать как разновидность убежища территориального [7, л. 14], поскольку территории дипломатических и консульских представительств, а равно морские и воздушные суда, включая военные, находящиеся под флагом государства, относятся к квазитерритории государства, в отношении которой у такого государства имеется возможность осуществления своей юрисдикции, в силу чего последняя рассматривается в качестве составной части государственной территории [12, с. 445].

По нашему мнению, вышеназванные особенности становления, развития и функционирования указанных форм убежища в различные периоды цивилизационного процесса позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, эволюция рассматриваемого института предопределила существование исторически обусловленных форм убежища – религиозной, территориальной и дипломатической. Во-вторых, развитие межгосударственных отношений, сопровождавшееся в Средние века противостоянием светской и церковной властей, приводит к установлению доминанты территориального убежища, заключающегося в предоставлении защиты и покровительства преследуемым лицам на территории государства и предполагающего в качестве необходимого условия его предоставления проявление суверенной воли такого государства.

Далее обратимся к доктринальным проблемам определения понятия и содержания права убежища, установления его институциональной природы, решение которых оказывает влияние на процесс конституционализации исследуемого правового явления. На наш взгляд, представляется возможность вести речь о трех гносеологических направлениях, в рамках которых советскими учеными раскрывалась сущность такого явления, как право убежища.

Представителями первого направления право убежища рассматривалось как право государства по предоставлению убежища на своей территории. В советское время такой гносеологический подход получил

широкое распространение и поддержку. Несмотря на то что в юридической литературе того времени понятию права убежища уделялось недостаточное внимание [13, л. 14], признанной считалась точка зрения, в соответствии с которой право убежища понималось как «право суверенного государства предоставлять политическим эмигрантам... право безопасного проживания на своей территории – при гарантии демократических прав и основных свобод» [13, л. 11].

Например, Н.А. Ушаков определял право убежища «как предоставление политическому эмигранту права безопасного проживания в иностранном государстве, при гарантии ему демократических прав человека и основных свобод со стороны государства – убежища» [4, л. 177]. При этом необходимыми признаками права убежища назывались суверенитет и территориальное верховенство [4, л. 185].

Отдельные современные авторы также поддерживают исследуемый подход определения права убежища как права государства на предоставление защиты на своей территории преследуемым лицам.

А.Н. Антипов считает, что право убежища есть «исключительное право государства предоставить убежище лицу или отказать ему в этом» [14, с. 120]. В свою очередь, профессор Б.С. Эбзеев называет право убежища «одним из традиционных суверенных прав государства» [15, с. 312].

Считаем, что указанная позиция имеет право на существование по ряду причин. Прежде всего общепринятым является признание того, что основа права убежища – суверенитет и верховенство государственной власти над своей территорией. Применительно к праву убежища государство вправе самостоятельно определять основания и порядок въезда и выезда в государство, правила проживания иностранцев на своей территории, законодательно закреплять правовой статус всех лиц, находящихся под его юрисдикцией, принимать на себя международные обязательства по защите лиц, ищущих убежище и пользующихся им, ограничивать круг лиц, которым может быть предоставлена защита и покровительство, и т. д.

При этом праву убежища, носителем которого выступает государство, не корреспондирует обязанность предоставить лицу убежище. В данном случае юридическая связь лица, ищущего убежище, с государством проявляется в наличии у государства обязательства рассмотреть обращение такого лица о предоставлении убежища и принять соответствующее решение с последующим уведомлением заявителя. Указанный аспект предполагает необходимость учитывать то обстоятельство, что о реализации права убежища можно говорить только тогда, когда лицо пересекло международную границу, т. е. покинуло одно государство и

прибыло на территорию другого. Таким образом, следует признать, что проявление государственного суверенитета в виде разрешения на въезд, установления процедур предоставления убежища и допуска к ним является необходимым условием реализации индивидом права убежища.

В рамках второго гносеологического направления право убежища рассматривалось с позиции принадлежности его к правам человека. Советские исследователи отрицали возможность рассмотрения права убежища как права человека. Так, Е.А. Шибаева подвергала критике ст. 14 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (далее – Всеобщая декларация), закрепившую на международном уровне норму, в соответствии с которой «каждый имеет право искать убежище и пользоваться этим убежищем» (ч. 1). Ученым отмечалось, что подобное установление «...изменяет основной принцип этого института – предоставление убежища только борцам за свободу» [13, л. 12]. Подобная позиция подкреплялась и тем аргументом, что международно-правовыми актами устанавливается запрет на использование права убежища лицами, преследуемыми за совершение не политического преступления или деяния, противоречащего целям и принципам Организации Объединенных Наций.

В связи с этим отметим, что в международных документах говорится в целом о праве убежища, а не о праве политического убежища. Из процитированных выше положений ст. 14 Всеобщей декларации видно, что политический аспект убежища напрямую здесь не называется, а запрет использования права убежища лицами, преследуемыми за совершение не политического преступления, на наш взгляд, отражает получивший признание в международной практике подход непредоставления защиты и покровительства лицам, совершившим общеуголовные преступления. Вместе с тем Всеобщая декларация, устанавливая запрет на возможность пользоваться правом убежища при совершении не политического преступления, подразумевает возможность предоставления убежища при преследовании за так называемые политические преступления, а они, по мнению С.А. Авакьяна, как раз и есть «отражение неблагоприятных последствий для человека за его политическую деятельность и убеждения» [16, с. 859].

В рамках третьего гносеологического направления правовая природа и содержание права убежища исследовались в его институциональном выражении. В середине прошлого века Н.А. Ушаковым признавалось, что право убежища является одним из древнейших правовых институтов в истории человечества [4, л. 6]. Однако исследователем не определялась его отраслевая принадлежность. В контексте указанной проблемы

Л.Н. Галенская относала право убежища одновременно к институтам внутригосударственного и международного права [2, с. 8].

По вопросу правовой регламентации права убежища в условиях советского строительства следует отметить, что норма об убежище впервые была закреплена в Декрете ВЦИК от 28 марта 1918 г. «Об убежище». Декрет устанавливал, что «всякий иностранец, преследуемый у себя на родине за преступления политического или религиозного порядка, в случае прибытия в Россию пользуется здесь правом убежища». В дальнейшем норма подобного содержания нашла отражение в Конституции ССРБ 1919 г. Статья 14 данной Конституции закрепляла, «что ССРБ предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления».

Дальнейшее конституционное развитие института права убежища было обусловлено созданием СССР, так как в вопросах конституционного нормотворчества союзные республики были ограничены рамками Основного Закона Советского Союза. Это подтверждается анализом конституционных норм об убежище, содержащихся в Конституциях СССР и БССР. Так конституционные нормы об убежище, содержащиеся в Конституциях СССР 1924, 1936, 1977 гг., в аналогичной редакции нашли отражение в Конституциях БССР 1927, 1937 и 1978 гг. соответственно.

Конституция 1927 г. устанавливала, что Белорусская ССР предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованиям за политическую деятельность или за религиозные убеждения (ст. 18). Следует отметить, что в это время советское законодательство отказалось от термина «преступление». Объяснялось это тем, что в Советском государстве убежище получают не преступники, а политические деятели [2, с. 30].

Основной Закон 1937 г. закреплял возможность предоставления БССР права убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу (ст. 104). Этими положениями круг лиц, которым предоставляется убежище, был еще более конкретизирован, что позволило подчеркнуть особую значимость, придаваемую Советской властью национально-освободительной борьбе угнетенных народов и наций, а также научной деятельности. В конечном итоге, это знаменовало «подлинный демократический характер права убежища в Советском государстве» [2, с. 30].

В соответствии со ст. 36 Конституции 1978 г. Белорусская ССР предоставляла право убежища иностранцам, преследуемым за защиту интересов трудящихся и дела мира, за участие в революционном и

национально-освободительном движении, за прогрессивную общественно-политическую, научную или иную творческую деятельность.

Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод о том, что развитие конституционного законодательства об убежище в советский период отразилось на формировании научных взглядов о его природе, что подтверждается доминированием в научных кругах представлений о его исключительно государственном характере, основанном на суверенитете государства. В то же время детализация оснований предоставления права убежища вначале за совершение политических преступлений, а в последующем за активную политическую, научную и творческую деятельность, на наш взгляд, является свидетельством учета Советской властью мировых тенденций развития миграционных процессов, указывающих на необходимость предоставления защиты на территории государства не только «политическим беженцам», но и другим категориям лиц, обоснованно опасующимся преследований за прогрессивную общественно-политическую деятельность.

Список использованных источников

1. Голубов, Н.М. Институт убежища у древних евреев в связи с уголовным и государственным правом Моисея и Талмуда и сравнительно с институтами убежищ у древних греков и римлян в средневековой и новой Европе. Историко-юридическое исследование / Н.М. Голубов. – СПб., 1884. – 168 с.
2. Галенская, Л.Н. Право убежища. Международно-правовые вопросы / Л.Н. Галенская. – М. : Междунар. отношения, 1968. – 128 с.
3. Кауфман, Я. О праве убежища / Я. Кауфман // Совет. государство. – 1934. – № 5. – С. 39–44.
4. Ушаков, Н.А. Право убежища : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Н.А. Ушаков. – М., 1950. – 125 л.
5. Зигель, Ф. История славянских законодательств / Ф. Зигель. – Варшава, 1909. – 201 с.
6. Записки по церковному законоведению. – Киев, 1861. – 276 с.
7. Антипов, А.Н. Становление и развитие права убежища в России (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Н. Антипов. – М., 2009. – 225 л.
8. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – Изд. С.Я. Беликова, 1889. – 243 с.
9. Гринчак, В.А. Убежище в международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В.А. Гринчак ; Ин-т государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины. – Киев, 1995. – 16 с.
10. Большой юридический словарь. – 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. проф. А.Я. Сухарева. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 858 с.
11. Лукашук, И.И. Международное право / И.И. Лукашук. – М. : Волтерс-Клувер, 2005. – 432 с.

12. Международное публичное право : учебник / Л.П. Ануфриева [и др.]. – М. : ТКВелби : Проспект, 2005. – С. 784.

13. Шибаева, Е.А. Проблемы права убежища в международном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Е.А. Шибаева. – М., 1953. – 128 л.

14. Антипов, А.Н. Право убежища в системе обеспечения безопасности государства / А.Н. Антипов // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2007. – № 4. – С. 119–121.

15. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации : монография / Б.С. Эбзеев. – М. : Проспект, 2013. – 656 с.

16. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / С.А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2011. – 863 с.

УДК 342.7(476)

А.В. Смирнов

О ЗАКРЕПЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В КОНСТИТУЦИЯХ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Конституция Республики Беларусь является отражением исторического опыта белорусского государства. В тексте Основного Закона страны получают свое закрепление базовые ценности и принципы конституционализма, сформировавшиеся в результате развития белорусской государственности.

Конституционный Суд Республики Беларусь в Послании «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году» обратил внимание, что в современном конституционализме преломляются объективные, исторически обусловленные национальные, политические, социальные и культурные особенности развития, духовно-нравственные традиции народа. Система ценностей, составляющих обязательные элементы конституционализма, находит легитимное нормативное закрепление в Конституции и реализуется посредством правового регулирования общественных отношений [1].

Следует согласиться с тем, что «в настоящее время важно обеспечить дальнейшее конституционное развитие эволюционным путем, сохраняя и развивая конституционные ценности» [2], одной из которых является конституционная экономика, важнейшими составляющими которой являются предоставление государством всем равных прав для осуществления экономической деятельности, а также гарантирование государством равных возможностей свободного использования способностей и имущества для экономической деятельности [3].

Принимая во внимание конституционно артикулированную значимость экономики и обеспечения ее устойчивого развития, а также необходимость создания в стране условий и механизмов безопасности конституционной экономики, считаем целесообразным в рамках ретроспективного анализа осуществить научную оценку особенностей закрепления в Конституциях Белорусской Советской Социалистической Республики экономических прав и свобод личности с целью определения исторически обусловленных закономерностей конституционного регулирования экономических отношений.

1 января 1919 г. была образована Социалистическая Советская Республика Белоруссия (ССРБ), в дальнейшем переименованная в Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР). За весь советский период на территории современной Беларуси действовали четыре Конституции (1919, 1927, 1937 и 1978 гг.).

Конституция ССРБ от 3 февраля 1919 г. была принята первым Всебелорусским съездом Советов. Поскольку в начале своего становления Советская власть имела конкретную цель – установить диктатуру пролетариата, осуществить социалистическую революцию, то, соответственно, ее деятельность не могла не считаться с этой основополагающей задачей. Это отразилось и на экономических правах человека и гражданина.

Думается, что это обусловлено рядом причин: во-первых, правовые основы Советской власти на переходный период были подчинены тому, чтобы обеспечить полную победу большевиков в развернувшейся Гражданской войне; во-вторых, страна, в военное время, не имела возможности ни с материальной, ни с организационной точки зрения обеспечить реализацию данной группы прав [4, с. 198].

Вместе с тем в самой Конституции ССРБ от 3 февраля 1919 г., как уже упоминалось, нет практически ничего, что имело бы отношение к экономическим правам человека.

Исключение составляет лишь ст. 10 Конституции, в которой утверждается, что республика «оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения в организации» [5]. Из прямого толкования данного положения следует, что государство гарантировало определенным группам граждан свободу объединений, в том числе и экономических для коллективной экономической деятельности, а следовательно, свободу выбора организационно-правовых форм такой деятельности.

Вместе с тем данная статья имела декларативный характер, так как провозглашенные ею гарантии не реализовывались не только в отношении «имущего класса», который из смысла ст. 16 и, в совокупности, тек-